

Все дневное время они провели на площадке для стрельбы из лука и верховой езды, а к вечеру женщины по очереди разошлись.

Вечером вновь устроили пир для гражданских и военных чинов, и Дуань Чанчуань выпил ровно три чашки, а на четвёртой переключился на чай.

Вернувшись во Дворец Миншэн, он обнаружил, что уже перевалило за половину двенадцатого ночи. Едва закончив омовение, наступила полночь.

Дуань Чанчуань смертельно устал, уселся на постели и принялся сладко зевать, едва разлепляя глаза.

Он уже собирался повалиться на подушку, как Чанлэ с трудом удержал его:

— Ваше Величество, погодите спать! Утром лекарь Фан прописал вам мазь, позвольте я нанесу её, это займет всего мгновение.

Юноша моргнул и лишь спустя добрую минуту сообразил:

— А?.. Ох, ну так сходи принеси.

— Слушаюсь.

Бай Су, приняв ванну, вошла внутрь и увидела малыша в ярко-желтом нижнем белье, послушно сидевшего на краю кровати.

Его голова так и клевала носом.

В тусклом свете ей вспомнилось, как в ночь после свадьбы с омегой они, вернувшись после купания, выглядели точно так же — ее собственная маленькая врединка.

— Ваше Величество, как же вы легли... Ай!

Вряд ли кому-то пришлось бы легко при мысли о том, что не пройдет и много времени, как он умрет.

Омега, потерявший альфу, впадает в безумие из-за расстройства феромонов, но и альфе без омеги приходится несладко.

Альфа, долгое время лишённый утешения со стороны омеги, рано или поздно заболевает Синдромом дефицита феромонов. Пройдет год или десять лет... но день этот неизбежно наступит, сколько бы времени ни прошло между делом.

Она перенеслась сюда вместе с телом, но ее омега за ней не последовал, и грядущий Период повышенной чувствительности станет огромной проблемой.

— Разве всё уже не прошло? Я не буду мазать.

— Прошло? Ну тогда не мажь.

А вдруг она — шпионка из клана Бай?

Сама её должность предопределяла, что угодить обеим сторонам не удастся.

Бай Су пошла на звук и действительно обнаружила на драконьем ложе заметный холмик из одеял, возле которого на коленях застыл согбенный евнух, растерянно сжимавший в руках баночку с уже набранной мазью.

А затем, проснувшись в тот раз, она оказалась в эту неведомую эпоху...

Тьфу, да разве в эту эпоху поверят в такую болезнь, как Синдром дефицита феромонов... Наверняка сочтут сумасшедшей.

— Ваше Величество, слуга вернулся... Здоровья Императрице.

Бай Су кивнула и послушно присела на кушетку у стены. Вчерашний подъем на драконье ложе был лишь исключением из правил, но сегодня постель на кушетке уже была застелена, и у неё больше не оставалось причин продолжать спать на императорской кровати.

С одной стороны, в этом сквозило упрямство и желание назло, но куда важнее было другое: она происходила из клана Бай, была дочерью наложницы и к тому же невестой на замену. Даже если бы она открыто заявила, что является лишь брошенным отродьем семьи Бай, Дуань Чанчуань не стал бы завязывать с ней лишних отношений.

К тому же, Дуань Чанчуань вовсе не желал вступать с ней в подлинный брак, и лучше всего было избегать даже малейших поводов для сплетен среди слуг — она это прекрасно понимала.

— Ваше Величество, ваша рана выглядит намного лучше! Утром ещё опухала, а теперь почти сошла. Какая же чудесная мазь у лекаря Фана, всего раз с утра намазали.

Оба ушка покраснели, а сам он всё так же доверчиво и испуганно жался к ней под бок.

Глаза его слипались от сна, а он всё сидел на краешке постели, позволяя ей неторопливо завязать ночные завязки.

Чанлэ вернулся с мазью и, заметив Бай Су, тут же отвесил ей земной поклон.

С другой стороны, Чанлэ продолжал уговаривать Дуань Чанчуаня:

— Ой-ой-ой, Ваше Величество, еще же не до конца зажило! Давайте намажем в последний раз, к завтрашнему дню точно всё пройдет.

Бай Су тронула пальцем еще не до конца восстановившуюся железу на загривке и невольно поморщилась.

Ишь ты, сущий ребёнок.

Но раз он сам не хочет, прислуга не имеет права неволить.

В конце концов, перед ними Верховный правитель, Сын Неба — кто осмелится пойти против его воли?

Вот только этот Верховный правитель — всего лишь мальчишка, которому едва исполнилось восемнадцать.

Бай Су вздохнула, поднялась на ноги, подошла к постели юноши и спросила:

— Что тут у вас?

— Докладываю Государыне, шею Вашего Величества кто-то укусил, лекарь Фан выписал мазь, а Ваше Величество мазаться не хочет... Слуга боится, что ранка не затянется до конца, и если не намазать сегодня, завтра станет только хуже.

— Отдай мазь мне, ступай.

Чанлэ бросил взгляд на комочек в одеялах и слегка замялся.

Бай Су успокоила его:

— Не бойся, твой господин и умом, и мечом владеть мастак, неужто я, слабая женщина, смогу ему навредить?

Только после этого евнух передал ей баночку:

— Тогда слуга пока удалится.

Когда все слуги вышли из покоев, Бай Су опустилась на колени перед кроватью и легонько похлопала по свернувшемуся калачиком одеялу.

— С чего это ты вдруг набросился на Чанлэ? И опять напился с вечера, м?

— ...

Полный игнор.

Бай Су мысленно вздохнула:...

Не зная она, как этот юноша выглядит во сне на самом деле, решила бы, что он уже давно отключился.

— Ваше Величество, заболел — так изволь лечиться. Даже ребёнок это понимает, ты-то чего ломаешься?

— Дуань Чанчуань, знаешь, почему во все времена так мало мудрых правителей? Да потому, что трофей императорской власти слишком высок, а власть слишком безгранична — до них просто не долетают те голоса, которые им должно бы услышать.

Стоило зайти речи о государственных делах, как свёрток из одеял едва заметно шевельнулся.

Бай Су не удержалась от лёгкой улыбки:

— При дворе любые возражения монарху называют смертельным риском, потому что малейшее недовольство государя может стоить смельчаку головы. Лишь умея отличать истину от лжи и выслушивать правильную критику, правитель становится мудрым. Но когда вокруг не остается никого, кто посмел бы тебе перечить — это страшная ноша. Вот почему так трудно оставаться просвещенным правителем.

Юноша распахнул глаза, голос его звучал хрипло:

— Я...

— М?

Юноша на мгновение умолк, колеблясь, а затем внезапно сменил тон, обиженно пробормотав:

— Я просто чувствую, что уже выздоровел, и мазаться не хочу... С чего ты развели тут целые речи, прямо как наставники из Гоцзицзяня — нуднее некуда.

Бай Су мягко улынулась:

— Потому что Ваше Величество явно метит в мудрые правители, и ваша покорная служанка лишь хотела сказать: в государственных делах всегда найдется тот, кто ради простого народа осмелится пойти против воли государя, и это — высший долг. Но вот в личных делах, вроде вовремя выпить лекарство и позаботиться о собственном теле, возразить вам никто не посмеет. Не хочешь есть — никто не заставит, не хочешь мазать раны — никто не принудит.

Люди эгоистичны, и никто не станет рисковать головой из чистой заботы, уговаривая императора, не желающего лечиться, проглотить горькое пилюлю.

Именно поэтому императорам во все времена знакомо лишь одиночество на вершине.

— Так что, Дуань Чанчуань, с сегодняшнего дня береги себя во всём, слышишь?

Больше Бай Су ничего не добавила.

Между ними и без того было сказано слишком много лишнего, ведь перед ней стоял не кто иной, как владыка всей страны.

— Я вовсе не капризничаю, — упрямо произнес юноша.

И с этими словами откинул одеяло, садясь.

Бай Су не стала разоблачать его ложь и мягко подхватила:

— Раз так, может, всё-таки намажем? Сегодня помажем, а завтра и следа не останется.

Юноша судорожно вцепился пальцами в край одеяла и лишь после долгого колебания нерешительно кивнул.

Он откинул в сторону пряди волос с шеи и послушно повернулся к ней боком.

Стояла глубокая полночь, перед уходом Чанлэ притушил почти все светильники, оставив лишь две лампы у стола, бросавшие тусклые, мерцающие отблески.

Лебединая шея юноши тонула в пляшущих тенях. Чем смутнее она виднелась, тем сильнее манила разглядеть её получше...

Сердце Бай Су внезапно пропустило удар.

Она торопливо усмирила мысли и зачастила про себя:

— Спокойно, это просто обычный человек, человек без всяких желез, у тебя есть свой собственный омега.

Повторив это заклинание раз пять, она наконец сосредоточилась на том, чтобы аккуратно нанести мазь.

Дуань Чанчуань и сам не понимал, что с ним творится: стоило лишь подумать о том, что кто-то может коснуться его загривка, как в нем поднималось жуткое сопротивление.

Но когда Бай Су вызвалась помочь, это странное отторжение почему-то испарилось бесследно.

Правда, на душе было чуточку неловко, но под этим смущением поднималось какое-то сладкое, тайное предвкушение.

[Неужто у меня завелись какие-то странные привычки...]

— подумалось ему в тишине.

Женские пальцы легонько скользили по его шее, и Дуань Чанчуань сжимал край одеяла всё крепче и крепче.

Эта женщина, должно быть, окурила себя какими-то новыми благовониями после бани — аромат пионов, долетавший до его ноздрей, стал ещё гуще, чем днём.

До чего же сладко пахнет...

Мягко, обволакивающе, донельзя приятно.

Ему даже захотелось, чтобы так продолжалось вечно, без всяких расставаний...

— Готово, можно спать.

Женщина закончила мазать, легко похлопала его по плечу и сама отступила назад, чтобы поставить баночку на место.

Дуань Чанчуань почувствовал себя так, будто его с макушки до пят окатили ледяной водой, и мгновенно протрезвел.

[Дуань Чанчуань, ты что творишь? Прошел всего день, а ты уже...]

Он торопливо шлепнулся на подушки с глухим стуком, натянул одеяло до самого носа, укрывшись с головой.

Спать!

Во всем виновата моя молодость и избыток жизненных сил.

Именно так!

Хотя... пахнет она и правда восхитительно.

Интересно, какими всё-таки благовониями она пользуется...?

<http://bllate.org/book/21020/2136740>